

Евразийская интеграция: реальность и перспективы развития в условиях внешних шоков и фрагментации мировой торговли

Сарыгулов Аскар Исламович

Университет Жетысу им. И. Жансугурова, Талды-Корган, Казахстан, e-mail: dept.cfr@unecon.ru

Звягинцев Александр Иванович

Михайловская военная артиллерийская академия, Санкт-Петербург, Россия, e-mail: azvyagintsev@mail.ru

Райпов Алибек

Университет Жетысу им. И. Жансугурова, Талды-Корган, Казахстан, e-mail: alibekraipov@gmail.com

Тик Андреа

Университет Обуда, Будапешт, Венгрия, e-mail: tick.andrea@kgk.uni-obuda.hu

Цитирование: Сарыгулов А.И., Звягинцев А.И., Райпов А., Тик. А. (2025). Евразийская интеграция: реальность и перспективы развития в условиях внешних шоков и фрагментации мировой торговли. *Terra Economicus* **23**(2), 107–125. DOI: 10.18522/2073-6606-2025-23-2-107-125

Целью данной работы является анализ динамики процессов евразийской интеграции с момента создания Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в 2015 г. и с учетом событий, последовавших после февраля 2022 г., которые внесли существенные изменения в географию внешней торговли стран ЕАЭС и в определенной степени стимулировали процессы фрагментации на мировых рынках. Россия, как самая крупная экономика ЕАЭС, испытала существенное ограничение экспорта энергоносителей в Европу, сужение возможностей использования финансовых инструментов и ресурсов глобальных рынков, что отражается на темпах евразийской интеграции. В статье показано, что, учитывая сравнительно невысокие конкурентные преимущества на глобальных рынках всех пяти стран, входящих в ЕАЭС, и наметившуюся фрагментацию мировой торговли, их экономическая интеграция в значительной степени будет предопределяться развитием торговых и кооперационных связей с наиболее крупной экономикой – российской. На основе математической модели показано, что устойчивость интеграционных процессов к внешним шокам может быть обеспечена, в частности, скоординированной макроэкономической политикой стран ЕАЭС, если даже эти предложения будут иметь рекомендательный характер.

Ключевые слова: евразийская экономическая интеграция; конкурентные преимущества; инфляция; фрагментация мировой торговли

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (грант № BR21882364 «Императивы развития Казахстана в евразийской интеграции в условиях вызовов и разрывов мировой архитектоники»).

Eurasian integration: Reality and development prospects in the context of external shocks and fragmentation of global trade

Askar I. Sarygulov

Zhetysu University named after I. Zhansugurov, Taldy-Korgan, Kazakhstan, e-mail: dept.cfr@unecon.ru

Alexander I. Zvyagintsev

Mikhailovskaya Military Artillery Academy, Saint Petersburg, Russia, e-mail: azvyagintsev@mail.ru

Alibek A. Raipov

Zhetysu University named after I. Zhansugurov, Taldy-Korgan, Kazakhstan, e-mail: alibekraipov@gmail.com

Andrea Tick

Obuda University, Budapest, Hungary, e-mail: tick.andrea@kgk.uni-obuda.hu

Citation: Sarygulov A.I., Zvyagintsev A.I., Raipov A.A., Tick A. (2025). Eurasian integration: Reality and development prospects in the context of external shocks and fragmentation of global trade. *Terra Economicus* 23(2), 107–125 (in Russian). DOI: 10.18522/2073-6606-2025-23-2-107-125

The purpose of this paper is to analyze the dynamics of the processes of the Eurasian integration since the establishment of the EAEU in 2015, taking into account the events that followed after February 2022, which introduced significant changes in the geography of the foreign trade of the EAEU countries and, to a certain extent, stimulated the processes of fragmentation in world markets. Russia, as the largest economy of the EAEU, experienced a significant restriction on energy exports to Europe, a narrowing of the possibilities of using financial instruments and resources of global markets, which is reflected in the pace of the Eurasian integration. The results show that, given the relatively low competitive advantages in the global markets of all five countries of the EAEU, and the emerging fragmentation of the world trade, their economic integration will be largely predetermined by the development of trade and cooperation ties with the Russian economy. Based on the mathematical model, it is demonstrated that the stability of integration processes to external shocks can be ensured, in particular, by a coordinated macroeconomic policy of the EAEU countries, even if it is of a recommendatory nature.

Keywords: Eurasian economic integration; competitive advantages; inflation; world trade fragmentation

Acknowledgment: The research was funded by the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Grant № BR21882364 Imperatives of development of Kazakhstan in the Eurasian integration amid challenges and ruptures in the world architectonics).

JEL codes: C54, E27, E31, F15

Введение

Экономическая интеграция различных стран, как показывает мировой опыт, представляет собой сложное переплетение экономических интересов, торговых компромиссов, геополитиче-

ских целей, культурных, этнических, исторических и языковых факторов. Неким классическим примером такой интеграции стало создание Европейского союза¹.

Прежде всего, надо заметить, что для мировой экономики в последние 40 лет характерны две тенденции. Первая тенденция связана с тем, что периоды как подъема, так и спада в темпах заключения различных торговых соглашений, были напрямую связаны с темпами роста мировой торговли. Например, доля экспорта в мировом ВВП выросла с 15% в середине 1980-х до 25% в 2008 г., и это сопровождалось ростом числа региональных торговых соглашений, число которых за этот период выросло с 30 до 200. Последовавшее после мирового кризиса падение доли экспорта в мировом ВВП до 20% привело и к сокращению числа таких соглашений, которых с 2010 г. было заключено около 150 (Kiechel et al., 2022). Вторая тенденция относится непосредственно к феномену регионализма как составной части мировой политики, когда формируются региональные блоки, преследующие не только экономические, но и геополитические интересы. Так, общее количество региональных соглашений возросло с 445 в 2011 г. до 669 в 2018 г. В 2018 г. вступили в силу 29 таможенных союзов и 150 соглашений об экономической интеграции. Если в 2011 г. 50% этих региональных соглашений были двусторонними, то в 2018 г. их доля была только 33%, а 66% – многосторонними, и общее число межрегиональных соглашений достигло 175 (Parthenay, 2019). Действие обеих тенденций приводит к большей фрагментации мировой торговли, что, в свою очередь, стимулирует процессы регионализации.

В свете вышеизложенного образование Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в 2015 г. является одним из элементов процесса регионализации в мировой экономике. Надо отметить, что созданию Союза предшествовал трудный процесс поиска наиболее приемлемых для всех стран форм экономической кооперации. Во многом решение о создании ЕАЭС было продиктовано тем, что спустя почти четверть века после развала СССР, после ряда многообещающих трансформационных реформ, не совсем удачно реализованных, страны по-прежнему стояли перед новыми вызовами, а нерешенные экономические проблемы только накапливались. Период, предшествовавший образованию нового экономического союза, имел ряд особенностей, среди которых необходимо выделить явно проявившиеся дезинтеграционные процессы, затянувшийся во времени трансформационный шок, приведший к падению производства, а также значительную уязвимость национальных экономик к внешним факторам, что стало следствием более открытого характера экономик новых государств.

В 1993 г., когда страны перешли к своим национальным валютам, макроэкономическая ситуация во всех пяти странах была крайне неблагоприятной. Разные темпы и разные сценарии экономических реформ, которые имели место в пяти странах в последующие 20 лет, не могли дать одинаковые результаты, что видно по итогам 2015 г. (табл. 1).

Таблица 1

Динамика отдельных показателей 5 стран (1993–2015 гг.)

	Россия		Армения		Казахстан		Белоруссия		Кыргызстан	
	1993	2015	1993	2015	1993	2015	1993	2015	1993	2015
ВВП, млрд долл. США, 2015	860,9	1363,5	2,7	10,5	72,9	184,4	24,3	56,4	3,5	6,7
Душевой ВВП, ППС 2017, долл. США	15870	25488	2484	11506	10292	24290	7305	18362	3362	4805
Население, млн чел.	148,2	146,2	3,2	2,9	16,5	17,7	10,2	9,6	4,5	5,5
Инфляция, %	874,2	15,5	3731,8	3,7	1662,3	6,7	1190,3	13,5	1086,1	6,5

Источники: Maddison Project Database (MPD), 2020; World Bank. A Cross-Country Database of Inflation, May 2023; World Development Indicators, 12/19/2023 (дата доступа: 20.03.2025)

¹ Создание Европейского союза (1992 г.) стало итогом длительного эволюционного процесса, начавшегося еще в 1951 г. с образования Европейского объединения угля и стали (ЕОУС), в состав которого вошли шесть стран (Бельгия, Италия, Люксембург, Нидерланды, Франция и ФРГ). Подписание Римского договора в 1957 г. привело к созданию Европейского экономического сообщества (ЕЭС), трансформированного в 1967 г. в Европейское сообщество (ЕС). Шенгенское соглашение 1985 г. ввело свободное передвижение товаров, капиталов, граждан и отмену таможенных барьеров внутри Евросоюза с 1995 г. С целью достижения полной экономической интеграции между государствами ЕС была создана единая денежная единица евро, введенная в безналичной форме с 1 января 1999 г., а в наличной – с 1 января 2002 г.

Санкции, постоянно вводимые западными странами против Белоруссии и России, самой крупной экономики ЕАЭС, начиная с 2014 г., не могут не влиять на характер интеграционных процессов. В этой связи санкционное давление можно рассматривать в качестве определенного барометра прочности и экономической зрелости ЕАЭС как института межгосударственной интеграции. По существу, интеграционные процессы внутри ЕАЭС можно разделить на два этапа: первый относится к периоду с 2015 по 2021 г., когда антироссийские санкции носили фрагментарный характер, и период с 2022 г. по настоящее время, когда санкции приобрели комплексный характер, а их общее число превысило 17 000, и они охватывают широкий круг экономических инструментов. Среди них 16 пакетов от ЕС, более 3,6 тыс. ограничительных мер от США, а также рестрикции со стороны Британии, Канады и Японии.

Целью данной статьи является анализ динамики интеграционных процессов в рамках ЕАЭС, выявление особенностей этих процессов и влияния внешних шоков, способных замедлить или ускорить интеграцию экономик пяти стран. Для достижения поставленной цели мы считаем необходимым:

- провести краткий анализ экономических процессов ЕАЭС в период до 2022 г., когда были введены обширные санкции против Белоруссии и России;
- определить наиболее адекватную реальным процессам модель экономической интеграции, которой следует ЕАЭС;
- представить модельное описание воздействия внешних шоков, которые носили перманентный характер с 2022 г., на экономические процессы внутри нового экономического союза.

Становление и развитие ЕАЭС в 2015–2021 гг.

С момента создания ЕАЭС в 2015 г. доля суммарного ВВП ЕАЭС по паритету покупательной способности (ППС) сохранялась в пределах 5,5–5,7% от мирового ВВП. В текущих ценах этот показатель не превышал 2,2% за аналогичный период.

По итогам 2021 г. удельный вес Союза в мировом ВВП в текущих ценах составил 2,1%, в абсолютном выражении это чуть больше 2 трлн долл. США. В 2014–2015 гг. страны ЕАЭС столкнулись с экономическим кризисом, вызванным снижением мировых цен на энергоносители и первой волной санкций против России. К 2019 г. темпы роста экономики ЕАЭС вплотную приблизились к мировым. Надо отметить, что снижение темпов роста ВВП ЕАЭС в 2020–2021 гг. было менее значительным, чем для всего мира. Это свидетельствует о том, что экономики стран ЕАЭС могут справляться с кризисной ситуацией, но пока не способны достичь мировых темпов роста или опередить их (Точин и др., 2023). Со времени создания Союза и до 2021 г. взаимная торговля государств – членов ЕАЭС увеличилась в стоимостном выражении на 28,5%, составив 73,1 млрд долл. США, а внешнеторговый оборот ЕАЭС с остальными странами, как это видно из табл. 2, за период с 2015 по 2021 г. возрос почти в полтора раза и достиг 846,4 млрд долл. США.

Таблица 2

Внешнеторговый оборот ЕАЭС, млрд долл. США

Торговые партнеры	2015		2021	
	Оборот	%	Оборот	%
Всего	579,4	100	846,4	100
Европейский союз	244,0	42,1	298,1	35,2
включая Германию, Нидерланды, Италию и Францию	158,1	27,3	184,5	21,8
Китай	78,9	13,6	167,2	19,8
Другие страны	256,5	44,3	381,1	45,0

Источник: Составлено авторами на основе данных: ЕАЭС (2022). Внешняя торговля ЕАЭС. https://eaeunion.org/comission/departement/dep_stat/tradestat/time_series/vneshnya-torgovlya-tovarami-dinamicheskie-ryady/ (дата доступа: 20.03.2025)

Необходимо отметить, что в 2015 г. крупнейшим внешнеторговым партнером являлся Европейский союз, на долю которого приходилось более 42% всего внешнеторгового оборота. Однако спустя шесть лет его доля сократилась на 7%, как и доли крупных торговых партнеров – Германии, Нидерландов, Италии и Франции – с 27,3% до 21,8%. Это сокращение происходило на фоне увеличения объемов двусторонней торговли с Китаем, на долю которого в 2021 г. приходилось почти 20% всей внешней торговли ЕАЭС.

Надо отметить, что общее увеличение объемов внешней торговли было обеспечено за счет положительной динамики торговых операций всех пяти стран, что видно из табл. 3.

Таблица 3

Экспорт, импорт и оборот за пределами ЕАЭС

	Экспорт, млрд долл. США			Импорт, млрд долл. США			Оборот, млрд долл. США		
	2015	2021	Темп роста, %	2015	2021	Темп роста, %	2015	2021	Темп роста, %
ЕАЭС	373,9	527,9	141,2	205,6	318,4	155,0	579,3	846,3	146,1
Армения	1,2	2,1	173,8	2,2	3,3	148,1	3,4	5,4	157,2
Белоруссия	15,7	22,6	144,1	13,1	17,9	136,8	28,7	40,5	140,8
Казахстан	40,8	52,5	128,6	19,4	22,6	117,0	60,2	75,1	124,9
Кыргызстан	1,1	2,0	182,8	2,1	2,9	141,0	3,2	4,9	155,2
Россия	315,1	448,7	142,4	168,8	271,7	161,0	483,8	720,4	148,9

Источник: Составлено авторами на основе данных: ЕАЭС (2022а). Внешняя торговля ЕАЭС. https://eec.eaeunion.org/comission/departement/dep_stat/tradestat/time_series/vneshnya-torgovlya-tovarami-dinamicheskie-ryady/ (дата доступа: 20.03.2025)

Как показывают данные табл. 3, наибольший рост внешнеторгового оборота за пределы ЕАЭС продемонстрировали две страны – Армения и Кыргызстан, главным образом за счет роста экспортных поставок. Основными статьями армянского экспорта являются табак, руды, черные металлы и алюминий. Основными статьями кыргызского экспорта являются хлопок, черные металлы и изделия из них, промышленное стекло, электрические машины и оборудование, а также инструменты и аппараты. Совокупный объем экспорта по этим позициям вырос с 47 млн долл. США до 140 млн долл. США². Казахстан за этот период значительно нарастил объемы экспорта нефти и продуктов ее переработки – с 29,8 млрд долл. США до 51 млрд долл. США; черных металлов и меди – с 3,8 млрд долл. США до 6,3 млрд долл. США и зерновых – с 0,7 до 1,6 млрд долл. США³. Ниже на рис. 1 и 2 приведены данные о десяти самых крупных странах – внешнеторговых партнерах Евразийского союза (рассчитаны и построены на основе данных ЕАЭС).

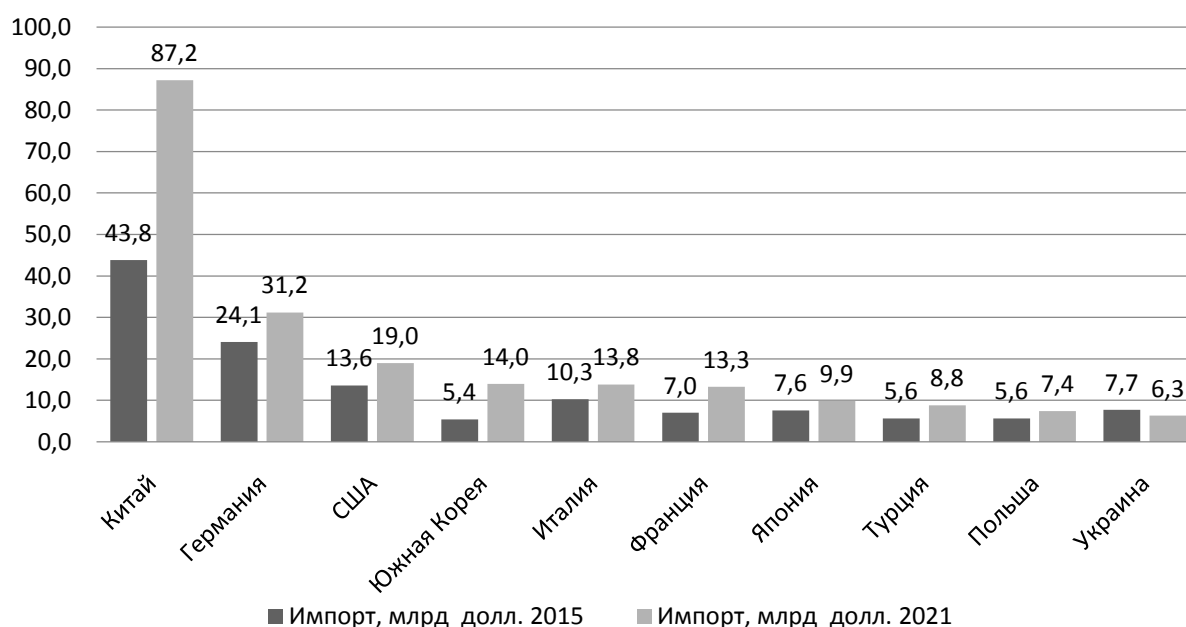

Рис. 1. Десять основных стран – импортеров из ЕАЭС

Источник: построено авторами на основе данных ЕАЭС.

² ЕАЭС (2022). Внешняя торговля ЕАЭС. https://eec.eaeunion.org/comission/departement/dep_stat/tradestat/time_series/vneshnya-torgovlya-tovarami-dinamicheskie-ryady/ (дата доступа: 20.03.2025)

³ Там же; Структура внешней торговли ЕАЭС.

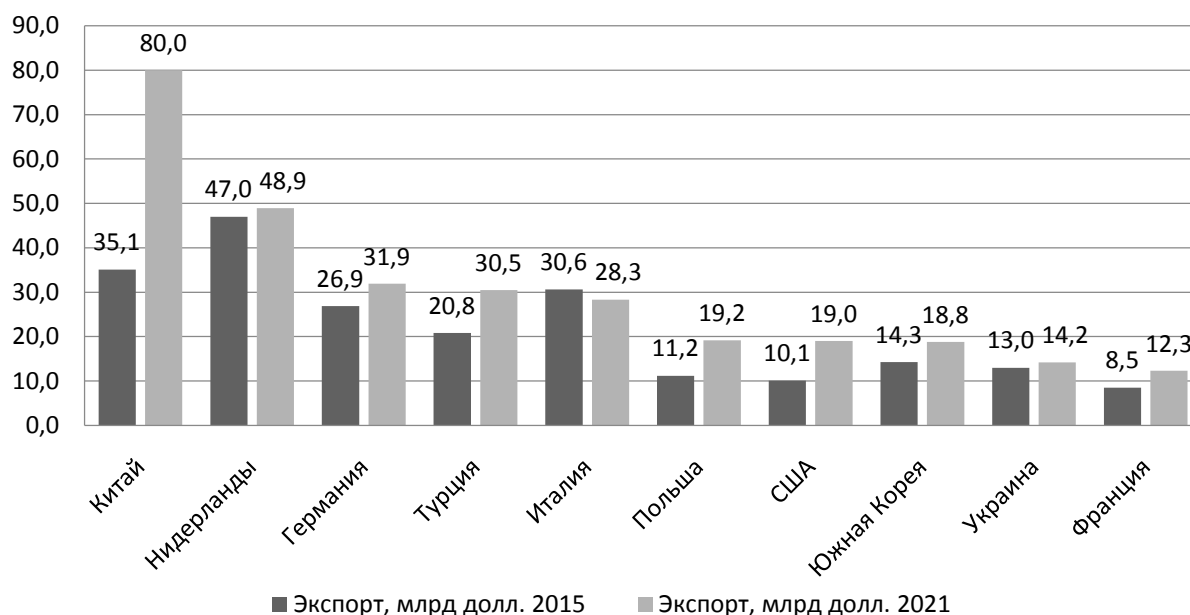

Рис. 2. Десять основных стран – экспортеров из ЕАЭС

Источник: построено авторами на основе данных ЕАЭС.

Несмотря на растущие объемы внешнеторговых операций, ЕАЭС пока значительно уступает по этому показателю самым крупным игрокам в сфере мировой торговли – Евросоюзу, Китаю и США (рис. 3).

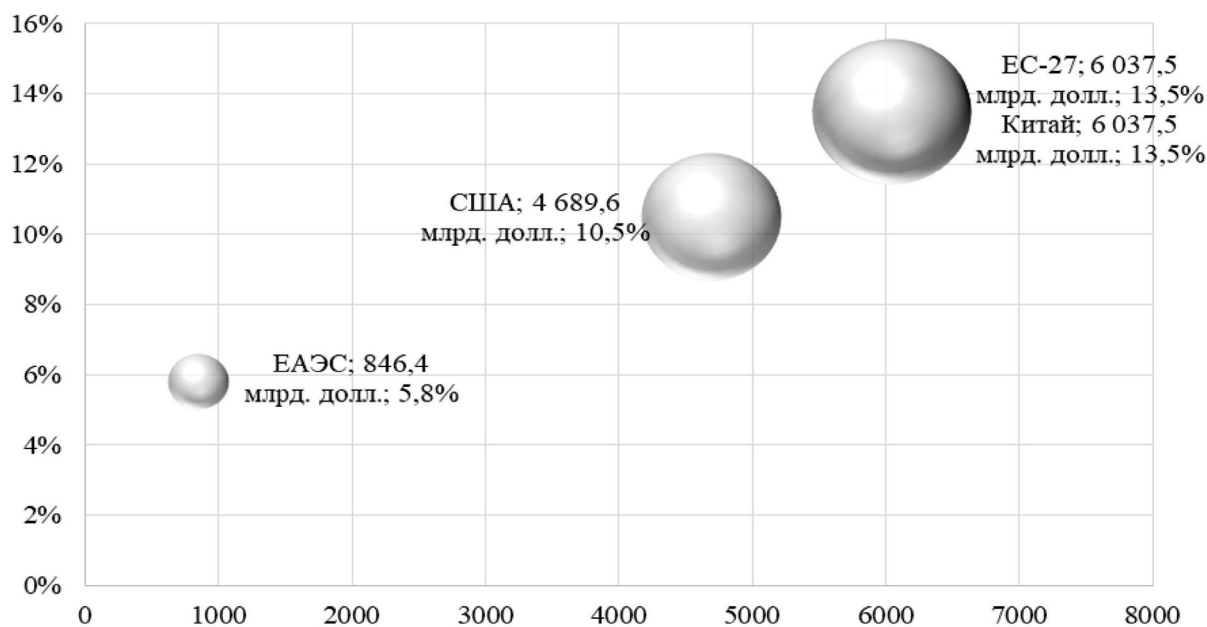

Рис. 3. Доля и внешнеторговый оборот ЕАЭС и других крупных игроков в мировой торговле

Источник: построено авторами на основе данных ЕАЭС.

Ранее в табл. 1 было показано, что отличительной структурной особенностью ЕАЭС является значительный удельный вес России – на нее приходится более 85% совокупного ВВП. Такая особенность евразийской интеграции непосредственно отражается на характере взаимной торговли (табл. 4).

Таблица 4

Доля экспорта и импорта государств – членов ЕАЭС во взаимной торговле в 2021 г., %

Страны	Армения		Белоруссия		Казахстан		Кыргызстан		Россия	
	Эксп.	Имп.	Эксп.	Имп.	Эксп.	Имп.	Эксп.	Имп.	Эксп.	Имп.
Армения	***		3,2	3,4	1,3	0,4	0,3	0,01	95,2	96,2
Белоруссия	0,4	0,1	***		5,2	0,8	0,5	0,01	93,9	99,1
Казахстан	0,1	0,1	1,4	4,1	***		8,7	2,0	89,8	93,8
Кыргызстан	0,01	0,4	2,0	2,2	48,3	25,1	***		49,7	72,3
Россия	4,1	2,9	51,1	66,5	40,1	29,2	4,7	1,4	***	

Источник: ЕАЭС (2022). Доклад «О состоянии взаимной торговли государств – членов Евразийского экономического союза в 2021 году», с. 14. https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_stat/tradestat/tradereport/Report_2021.pdf (дата доступа: 20.03.2025)

Как можно видеть из табл. 4, в рамках ЕАЭС Россия является крупным внешнеторговым партнером для трех стран: Армении, Белоруссии и Казахстана, ее доля во внешнеторговых операциях с этими странами колеблется от 89,8% (экспорт Казахстана) до 99,1% (импорт Белоруссии). Доля Кыргызстана также высока: 49,7% экспорта и 72,3% импорта приходится на Россию. Такой характер торговли показывает, что малые экономики только выигрывают от улучшения доступа к емкому российскому рынку, но одновременно это означает и их зависимость от экономической ситуации в самой России (Гринберг, Пылин, 2020). Другой особенностью выступает явно выраженное разделение стран-участниц на две группы: чистых экспортеров углеводородов (Россия и Казахстан) и чистых импортеров углеводородов (Армения, Беларусь и Кыргызстан). Очевидно, что в условиях значительных ценовых скачков на углеводороды страны-экспортеры имеют больше экономических инструментов для обеспечения профицита своей внешней торговли, нежели страны-импортеры, а это может приводить к существенному дисбалансу во внешней торговле в целом. Третьей особенностью является внутриконтинентальное положение и отсутствие прямого выхода к крупным международным морским коммуникациям всех стран, кроме России. В таких условиях ориентация только на взаимную торговлю внутри ЕАЭС, как и во многих других интеграционных объединениях, будет сдерживающим фактором роста национальных экономик (Хусаинов и др., 2015). Это обуславливает необходимость возмещения «потерь» экономического роста на конкурирующих рынках. Понятно, что страны – участницы ЕАЭС должны не только увеличивать взаимную торговлю, но и способствовать развитию торговли за его пределами. Поэтому важной задачей для Армении, Беларуси, Казахстана и Кыргызстана является продвижение национальных интересов на конкурирующих внеблоковых рынках и определение перспектив сотрудничества ЕАЭС с другими региональными объединениями.

Отмеченные выше особенности функционирования ЕАЭС в рассматриваемый период дополняются рядом факторов (Гринберг, Пылин, 2020), которые снижают потенциал евразийской интеграции:

- сравнительно низкий уровень торгово-экономической связанности ЕАЭС – как самого объединения, так и между отдельными странами Союза;
- сильные региональные различия внутри самих стран-участниц;
- относительно низкий уровень технико-экономического развития;
- преимущественно сырьевой характер экономик стран-участниц;
- слабое развитие совместных региональных цепочек добавленной стоимости и внутриконтинентальное положение стран (кроме России) при слабой трансграничной инфраструктуре.

Развитие ЕАЭС через призму теорий экономической интеграции

Создание ЕАЭС стимулировало значительный интерес российских и западных исследователей к процессам интеграции на постсоветском пространстве. Различные аспекты становления ЕАЭС изложены в многочисленных отечественных и зарубежных публикациях (отметим только некоторые из них: Vinokurov and Libman, 2014; Glazyev and Tkachuk, 2015; Khitakhunov et al., 2016; Krasnov et al., 2020; Gast, 2020; Chufirin, 2020; Гринберг, Пылин, 2020). С некоторой долей условности все публикации можно разделить на две группы. Первую группу составляют исследования теоретического характера, где основное внимание уделяется тому, насколько интеграционные процессы в рамках ЕАЭС укладываются в рамки существующих теорий экономической интеграции. Вторая группа ис-

следований посвящена конкретным вопросам становления евразийской интеграции, оценке скорости этих процессов и перспектив ее будущего развития.

В российском сегменте исследований можно выделить два направления. Первое направление связано с исследованиями процессов европейской интеграции (в первую очередь Евросоюза) с целью разумной адаптации теории и практики становления ЕС к процессам интеграции на евразийском пространстве. Второе направление связано с анализом применимости либеральных теорий экономической интеграции к усиливающимся процессам регионализации в мировой экономике и формированием новых подходов к оценке интеграции как ресурса и стимулятора экономического развития.

К первому направлению необходимо отнести работы Ю.А. Борко (1975; 1984; 2006), а также исследования, проводимые под эгидой института Европы РАН (Бабынина, 2012; Громыко, 2017; Буторина, 2021; Буторина, Борко; 2022). Важным результатом этих исследований является вывод о невозможности воспроизвести в других регионах мира обстоятельства зарождения и развития западноевропейской интеграции, поскольку она представляет собой особый феномен, порожденный наложением специфических исторических, культурных и персональных факторов (Громыко, 2017). Необходимо также отметить исследования Ю.В. Шишкова, в которых содержатся оценки перспектив евразийской интеграции, основанные на изучении практик становления ЕС и ряда других региональных организаций. Обязательным условием реального интегрирования является достижение странами необходимого уровня интеграционной зрелости в экономическом и политическом развитии. Именно отсутствие интеграционной зрелости государств на постсоветском пространстве обуславливает объективную невозможность интеграции стран СНГ в среднесрочной перспективе (Шишков, 2006). Другим фактором, сдерживающим интеграцию, является беспрецедентная диспропорция экономической мощи и политического доминирования России, что потенциально может создавать определенную степень недоверия между странами (Шишков, 2012).

Второе направление представлено исследованиями, в которых предпринята попытка творческого осмысления теории международной экономической интеграции применительно к экономическим реальностям на постсоветском пространстве. Здесь, прежде всего, надо отметить работу Б.А. Хейфеца (2023), в которой предложена концепция «накопительной интеграции», которая рассматривается как весь комплекс связей и институтов, ведущих к экономическому сближению группы заинтересованных государств: «При этом у накопительной интеграции могут быть различные стратегии, а сама она в перспективе может... долгое время оставаться компромиссной формой развития стабильных взаимных связей» (Хейфец, 2023: 15). В работе Д.И. Ушкаловой (2016) предложено понятие «нелинейной интеграции», которое как сочетает в себе концепцию «открытого» регионализма, так и предполагает устранение определенных барьеров для экономического взаимодействия без какого-либо согласования экономической политики. К таким моделям «нелинейной интеграции» отнесены АСЕАН, АТЭС, НАФТА.

Что касается работ западных исследователей, то одной из наиболее значимых является труд Б. Баласси, где впервые предложена линейная модель интеграции и дана схема ее последовательного пятиэтапного развития (Balassa, 1961). Реальная практика развития международного сотрудничества в последней трети XX в. свидетельствовала о появлении более сложных, отличных от линейных, форм интеграции. Именно этим можно объяснить попытки толкования развития ЕАЭС зарубежными экспертами через призму различных либеральных (*liberal*) теорий интеграции. Эти теории интеграции исходят из предположения о том, что интеграция развивается в ответ на взаимозависимость внутри региона (Braun et al., 2024). По сути, неофункционализм как теория описывает процесс трансформирующей интеграции, когда после создания первоначального союза будущие конфликты представляют государствам-членам возможность принятия решений в критические моменты в пользу увеличения или уменьшения их интеграционных усилий (Schmitter, 1969). Как отмечают отдельные исследователи, постфункционализм стал ведущей версией теории либеральной интеграции (Hooghe and Marks, 2019), и в отличие от более ранних версий функционалистской теории он не предполагает, что интеграция всегда развивается из-за взаимозависимости, более того, он также включает идентичность в качестве важнейшей переменной для развития интеграции. Для стран ЕАЭС в качестве такой идентичности определены идеи и дискурсы (нео)евразийства (Kazharski, 2019). В отдельных исследованиях в качестве фактора идентичности также определяются миграция между странами, роль русского языка и постсоветское наследие (Akchurina and Della Sala, 2018; Hancock and Libman, 2016). Поскольку в теории либеральной интеграции важное место отводится группе экономических интересов государства в переговорах об интеграции, то западные исследователи априори исходят из характеристики ЕАЭС как:

- авторитарной системы, где конкуренция между группами интересов будет принимать иные формы по сравнению с либеральными рыночными экономиками (Braun et al., 2024);
- «недемократическая региональная организация», созданная недемократическими государствами либо, по крайней мере, сосредоточенная вокруг недемократического ведущего государства (Obydenkova and Libman, 2019).

Важной компонентой западных исследований является вопрос о самом характере интеграции в рамках ЕАЭС: носит ли он трансформационный или репродуктивный характер (Roberts and Moshes, 2016). Отдельные исследователи выражают скептицизм относительно возможности либерализации торговли в рамках ЕАЭС в силу недостаточной прочности ее институциональных основ, что дает им повод характеризовать новый Союз как геополитический, а не экономический проект (Dragneva and Hartwell, 2021). Однако, как отмечается в одном из исследований, институциональная структура ЕАЭС не особенно подходит для продвижения российской гегемонии (Libman, 2021). Усилия России по построению нового, многополярного мира воспринимаются отдельными исследователями как попытка деления мира на сферы влияния, при котором соседи России будут неохотно делегировать свой суверенитет институтам региональной интеграции, поскольку они, скорее всего, станут инструментами российского доминирования. Поскольку партнеры не доверяют России, они настаивают на ограниченном характере интеграционных процессов внутри ЕАЭС (Busygina and Filippov, 2021). Априори постулируя, что ЕАЭС является недемократической региональной организацией, отдельные авторы считают, что решения будут основываться на личных контактах между лидерами, а не делегировании полномочий наднациональным институтам. В таких условиях могут выиграть определенные экономические группы интересов (Obydenkova, 2011; Obydenkova and Libman, 2019).

Значительное число исследований либерального толка посвящено анализу конкретных вопросов евразийской интеграции. С одной стороны, признавая потенциал ЕАЭС для расширения своей компетенции и обеспечения благосостояния государств-членов на основе принципов преобразующей интеграции, они отмечают скромные цели отдельных членов Союза по укреплению собственного суверенитета, что ставит ЕАЭС в один ряд с новыми проектами регионализма, наблюдаемыми в других частях мира (Roberts and Moshes, 2016).

Одним из важнейших моментов в развитии ЕАЭС рассматривается создание институциональной структуры, способной продвигать интеграционную повестку дня. Сюда входит не только Таможенный союз (2010), но и Евразийская экономическая комиссия, которая начала работать в 2012 г. Однако, по мнению западных экспертов, Евразийская комиссия является скорее межправительственной, чем наднациональной структурой, с крайне ограниченными возможностями по использованию механизма принуждения, хотя многоскоростная интеграция на столь раннем этапе развития ЕАЭС отмечается как сильная сторона проекта (Roberts and Moshes, 2016). Консолидированное мнение западных экспертов относительно характера евразийской экономической интеграции на момент создания ЕАЭС сводилось к тому, что этот Союз больше направлен на воспроизводство, а не трансформацию экономического суверенитета. По этой причине ЕАЭС не является проектом преобразований, сопоставимым с ЕС, поскольку жесткая защита суверенитета будет ограничивать способность государств-членов реализовывать даже скромные цели либерализации торговли (Roberts and Moshes, 2016).

По мнению отдельных исследователей, несмотря на высокую скорость интеграционных процессов за последнее десятилетие, практика интеграции стран Евразийского союза подтверждает идею интеграции без либерализации. В качестве основной причины этого указываются связи советской эпохи (особенно в энергетике), что усиливает сопротивление либерализации и реформам на национальном уровне, создавая корыстные интересы для протекционизма (Dragneva and Hartwell, 2021).

Отдельные исследования посвящены вопросам упрощения процедур торговли и сокращения нетарифных барьеров. Согласно этим работам, вступление России в ВТО позволило снизить тарифы таможенного союза примерно на 40–50%, что позволило сделать ЕАЭС более открытым таможенным союзом, значительно сократив трансферты из Армении, Казахстана и Киргизской Республики. Как положительные отмечаются меры для обеспечения более глубокой интеграции, которые включают в себя: свободное перемещение рабочей силы и услуг; устранение нетарифных барьеров, прежде всего на основе добровольных стандартов и совместно согласованных технических регламентов; ограничения на использование сельскохозяйственных субсидий; наделение большими полномочиями Евразийской экономической комиссии как наднационального регулирующего органа (Tarr, 2016).

Российский сегмент исследований, посвященных изучению конкретных проблем евразийской интеграции и роли отдельных государств в формировании общего экономического пространства, довольно значителен, но мы выделим те работы, в которых обозначены проблемы, сдерживающие интеграционные процессы в ЕАЭС.

Прежде всего, отмечается незначительная доля взаимной торговли продукцией обрабатывающей промышленности от общего объема рынка ЕАЭС (5,2%). Другим сдерживающим фактором является государственная поддержка, оказываемая государствами Союза своим национальным промышленным предприятиям, что приводит к искажению конкуренции и нарушению баланса интересов производителей (Кривогуз, Фесенко, 2022). Болезненными являются вопросы суверенитета в новых независимых государствах, общественность и власти которых порой чрезмерно чувствительны в отношении малейших, порой кажущихся ущемлений своего независимого статуса, что представляет эти страны как непростых переговорных партнеров для России (Кривогуз, Фесенко, 2024).

Сдерживающим фактором также рассматривается нежелание большинства стран – членов ЕАЭС вести переговоры по торговле услугами. Такая консервативная позиция по предоставлению преференций в торговле услугами препятствует не только встраиванию ЕАЭС в мировую экономику, но и таит в себе значительные издержки для экономического роста и развития. Более того, нынешняя сеть зон свободной торговли ЕАЭС характеризуется как не продвинутая ни с точки зрения покрытия внешней торговли, ни с точки зрения состоятельности существующих соглашений. Решение этой проблемы видится на путях передачи Евразийской экономической комиссии компетенций по ведению переговоров о либерализации торговли услугами и инвестиционному сотрудничеству (Королев, 2023).

С момента создания ЕАЭС было устранено только 30% препятствий (различного рода ограничения, изъятия, барьеры, тарифные льготы), связанных с функционированием внутренних рынков стран – членов Союза. Пока так и не созданы такие важные единые рынки, как рынок капитала, услуг, включая финансовые, электроэнергетики, природного газа, нефти и нефтепродуктов (Точин и др., 2023).

Как можно видеть, процессы практической интеграции в рамках ЕАЭС трудно втиснуть в рамки какой-то одной теории экономической интеграции, а само качество этих процессов определяется многими факторами как экзогенного, так и эндогенного характера. Наиболее близкой к реальным процессам будет характеристика развития ЕАЭС как формы накопительной интеграции на путях поиска различных многосторонних и двусторонних форм сотрудничества.

Влияние глобальных трендов на ЕАЭС, модели оценки инфляции и ВВП пяти стран в условиях нестабильного развития

Как всякий экономический союз, ЕАЭС находится под воздействием внешних экономических и геополитических факторов.

Здесь, прежде всего, надо отметить значительную турбулентность на международных рынках, которая стала результатом вовлеченности России и стран Европейского союза в украинский конфликт, а также влияние Китая, крупного экономического соседа ЕАЭС, на формирование торговых и транспортных маршрутов в регионе. Действительно, в 2022 г. на фоне разрастания украинского конфликта годовая инфляция в еврозоне достигла 9,2%, а в странах ЕАЭС – 12,9%. В 2023 г. эти показатели были уже значительно ниже – 2,9% и 7,5% соответственно, однако их значения оказались выше, чем целевой ориентир в 2% для еврозоны и 6,8% для мировой экономики⁴. Самая крупная экономика ЕАЭС – российская – перенесла несколько системных шоков за последние 10 лет: в 2014 г. это было вызвано первой волной антироссийских санкций и падением мировых цен на энергоносители, второй был связан с пандемией COVID-19, и третий – с событиями вокруг Украины и принятием нового пакета антироссийских санкций. Принятие последнего пакета санкций также сильно отразилось на экономике еврозоны, поскольку привело к резкому росту цен на энергоносители, а в конце 2023 г. и к технической рецессии⁵. Всемирный банк в этой связи отмечает, что пятилетний глобальный рост в 2020–2024 гг. оказался самым слабым за три десятилетия вследствие устойчивой инфляции, глобальной экономической фрагментации и резкого замедления активности в зоне евро (Izvorski et al., 2023). Наметившиеся тарифные войны новой администрации США в отношении ЕС, Китая, Японии и Кореи, а также ближайших соседей – Канады и Мексики – могут стать

⁴ IMF (2024). World Economic Outlook Update. January 2024. <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2024/01/30/world-economic-outlook-update-january-2024> (accessed on March 20, 2025)

⁵ Там же.

еще одним шоковым фактором для мировой экономики. Таким образом, совокупность перечисленных выше экзогенных факторов может рассматриваться как внешние шоки, способствующие нестабильному развитию не только отдельных стран, но и ЕАЭС в целом. Именно исходя из этого нами сделана попытка описания воздействия внешних шоков на экономические процессы внутри нового экономического союза при помощи модели.

Математическая модель

Подробное описание модели содержится в работах А.А. Акаева с соавторами (2015; 2017) и В.А. Садовниченко с соавторами (2023).

При построении предлагаемой модели авторы исходили из того, что необходимо разделить экономический рост (спад) и темпы инфляции – две интересующие нас переменные.

Для построения модели экономического роста (спада) использовано уравнение предложения Лукаса, которое описывает отклонения выпуска, вызванные неожиданным отклонением уровня цен в отсутствие шоков предложения (Romer, 2012: 296). При построении прогнозных темпов инфляции были учтены следующие соображения (Ibid.: 514, 516):

- главным фактором повышения инфляции является рост денежной массы;
- ключевую роль играет условие равновесия на рынке денег;
- номинальная процентная ставка определяется через реальную процентную ставку и ожидаемую инфляцию (*Fisher identity*).

Также была учтена классическая функция спроса на деньги Кагана (Cagan, 1956) и ее модификация согласно модели Бруно – Фишера, которая включает динамику ВВП, а также эмиссионное финансирование дефицита государственного бюджета (Bruno and Fischer, 1987). Поскольку модель Бруно – Фишера не дает простого явного решения, то требуется анализ с использованием численных методов. Модель хорошо описывает случай гиперинфляции, однако, как и модель Кагана, не дает удовлетворительного результата для случая высокой инфляции и нестабильного развития. Для устранения этого недостатка в работе Акаева с коллегами (2015) была предложена степенная функция для описания функции спроса денег. Используя данную функцию и ключевые предпосылки моделей Кагана и Бруно – Фишера, соавторы предложили математические модели для оценки темпов экономического роста (спада) ВВП и прогнозных темпов инфляции в условиях нестабильного развития (Акаев и др., 2015; 2016; 2017). По мере накопления новых эмпирических данных в модель были внесены соответствующие изменения. С учетом таких изменений модели были верифицированы на реальных статистических данных России (Садовничий и др., 2023) и еврозоны (Акаев et al., 2023). В основе этих работ лежат две экономико-математические модели:

– модель динамики темпов экономического роста (спада):

$$q_Y = q_Y + \rho \left[\frac{1}{\alpha} \left(\frac{k\mu}{d} \right)^{\frac{1}{\alpha}} \left(\frac{\dot{\mu}}{\mu} - \frac{d}{d} \right) - \dot{r} \right]; \quad (1)$$

– модель прогнозных темпов инфляции:

$$\pi = \mu + \frac{\dot{\mu}}{\mu} - \frac{d}{d} - q_Y. \quad (2)$$

Здесь α, ρ, κ – постоянные коэффициенты; $\mu = \frac{\dot{M}}{M}$ – темпы роста денежной базы; M – денежная база; $q_Y = \frac{\dot{Y}}{Y}$ – темпы роста ВВП; q_Y – равновесный потенциальный уровень темпов роста ВВП в среднесрочном периоде; Y – объем ВВП; d – дефицит госбюджета (в долях ВВП); $\dot{r}$ – реальная процентная ставка; π – инфляция.

Как видно из формул (1) и (2), динамика этих макроэкономических показателей зависит от денежной базы, процентной ставки и дефицита бюджета. Управление учетной ставкой, денежной массой и бюджетным дефицитом является для монетарных властей главным инструментарием воздействия на экономические процессы. Потребность в снижении ключевой ставки обусловлена тем, что промышленность остро нуждается в дешевых долгосрочных кредитах, а населению необходимы дешевые ипотечные и потребительские кредиты. Рост денежной базы позволяет повышать покупательную

способность населения, увеличивает покупательный спрос, дает возможность предприятиям активно кредитоваться, способствует притоку внутренних инвестиций в экономику. Снижение бюджетного дефицита повышает финансовую устойчивость и способствует экономическому развитию.

Исходя из вышесказанного, рассматривается сценарий плавного роста денежной базы при одновременном плавном снижении ключевой ставки и дефицита бюджета. В этой связи сценарий снижения ключевой ставки и дефицита бюджета задается формулами:

$$r = r_0 e^{-\beta(t-t_0)}, \quad (3)$$

$$d = d_0 e^{-\gamma(t-t_0)}. \quad (4)$$

Здесь r_0 – ключевая ставка на начало I квартала 2025 г., d_0 – дефицит бюджета на начало I квартала 2025 г., t_0 – I квартал 2025 г.

Предполагая экспоненциальный закон для темпа роста денежной массы $\mu = ae^{bt}$, в силу формулы $\mu = \frac{\dot{M}}{M}$ получаем сценарий роста денежной базы:

$$M = M_0 e^{\int_{t_0}^t ae^{bt} dt} = M_0 e^{\frac{a}{b}(e^{bt} - e^{bt_0})}. \quad (5)$$

Здесь M_0 – денежная база на начало I квартала 2025 г., t_0 – I квартал 2025 г. Значения r_0, d_0, M_0 известны из официальной статистики.

Основные результаты моделирования

Результаты прогнозных расчетов динамики темпов инфляции и экономического роста для всех пяти стран показаны на рис. 4 и 5, а также в табл. 5 и 6.

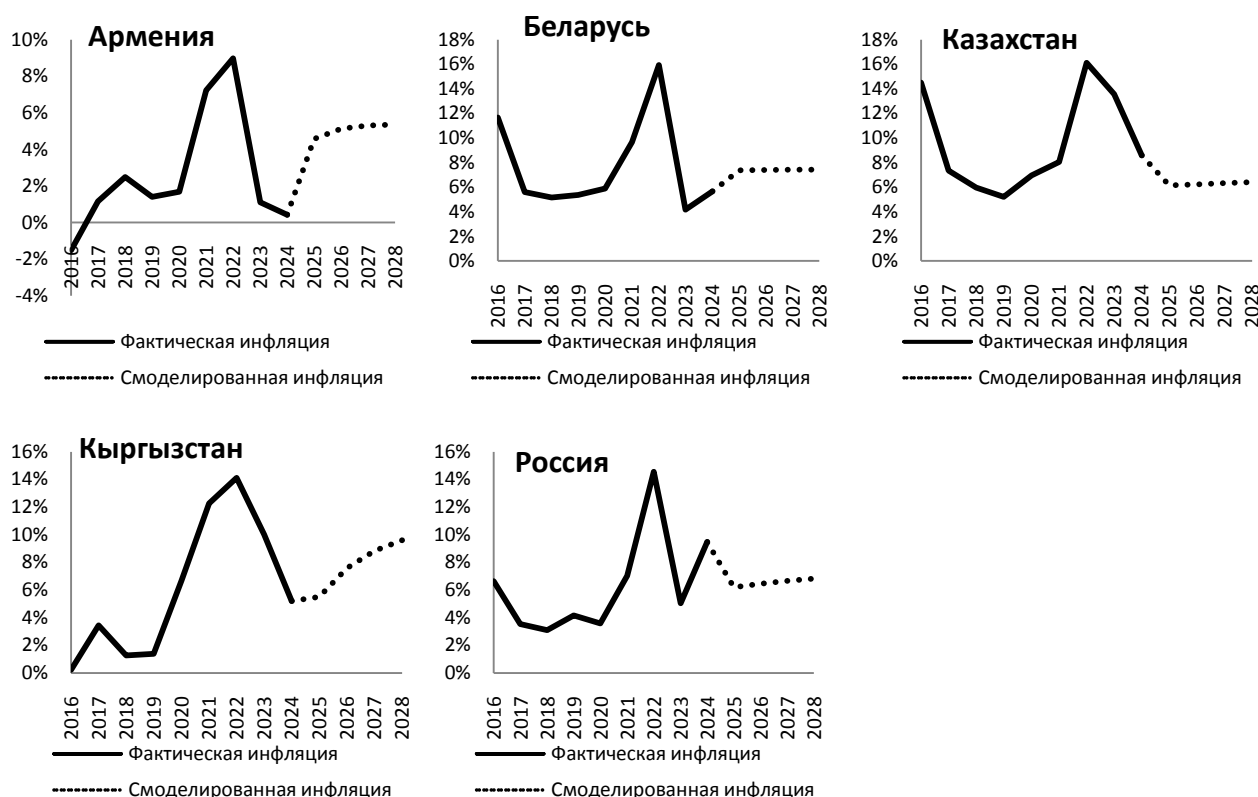
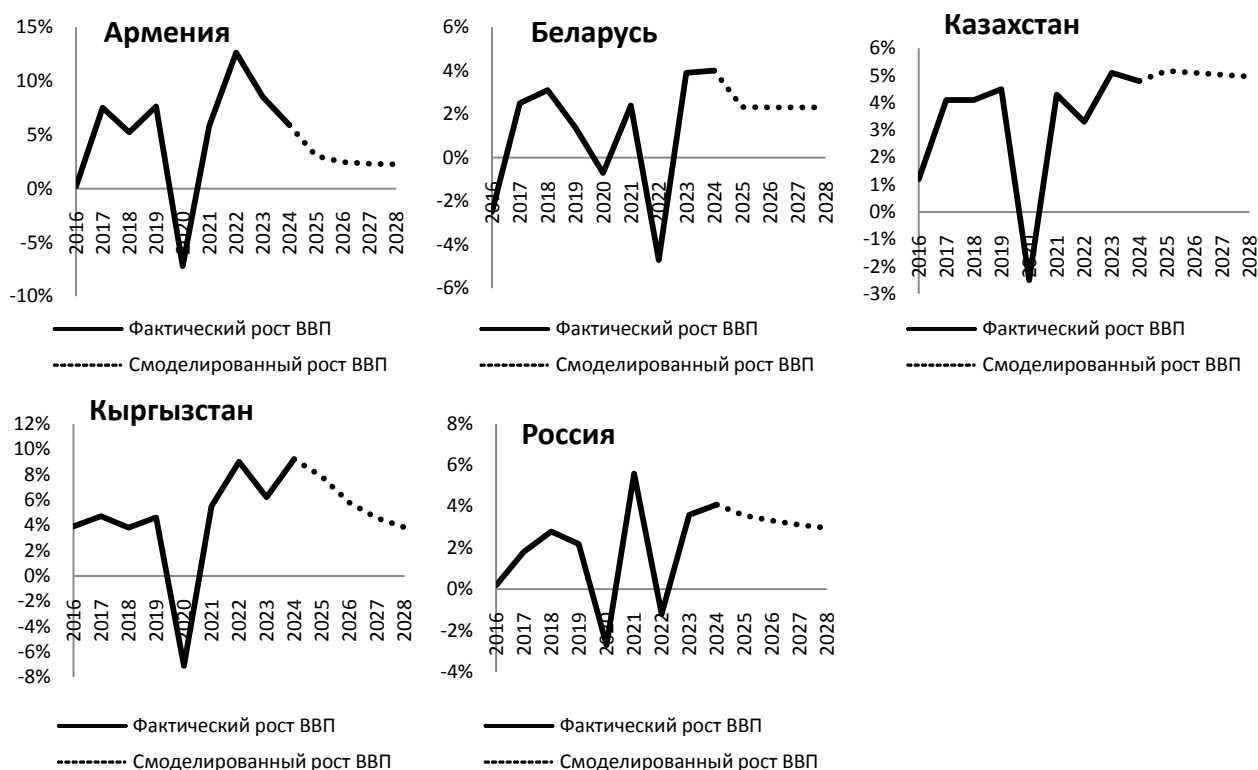

Рис. 4. Смоделированные темпы роста (спада) по инфляции

Источник: расчеты авторов.

Рис. 5. Смоделированные темпы роста (спада) по ВВП

Источник: расчеты авторов.

Таблица 5**Результаты сценарного моделирования**

Смоделированные прогнозы	2025	2026	2027	2028
Армения				
Прирост денежной массы	0,10%	0,08%	0,09%	0,10%
Процентная ставка	4,72%	1,42%	0,43%	0,13%
Дефицит госбюджета, % ВВП	0,84%	0,68%	0,56%	0,46%
Среднегодовая инфляция	4,56%	5,13%	5,30%	5,35%
Прирост ВВП	3,02%	2,46%	2,29%	2,24%
Беларусь				
Прирост денежной массы	0,21%	0,16%	0,19%	0,23%
Процентная ставка	6,48%	2,03%	0,64%	0,20%
Дефицит госбюджета, % ВВП	1,48%	1,20%	0,98%	0,79%
Среднегодовая инфляция	7,39%	7,41%	7,43%	7,44%
Прирост ВВП	2,32%	2,31%	2,30%	2,30%
Казахстан				
Прирост денежной массы	0,27%	0,19%	0,24%	0,29%
Процентная ставка	15,07%	14,59%	14,13%	13,69%
Дефицит госбюджета, % ВВП	0,18%	0,14%	0,11%	0,09%
Среднегодовая инфляция	6,16%	6,24%	6,33%	6,41%
Прирост ВВП	5,17%	5,09%	5,02%	4,95%
Кыргызстан				
Прирост денежной массы	0,45%	0,28%	0,37%	0,50%
Процентная ставка	7,48%	4,45%	2,65%	1,57%
Дефицит госбюджета, % ВВП	6,80%	5,33%	4,17%	3,27%
Среднегодовая инфляция	5,53%	7,60%	8,85%	9,61%
Прирост ВВП	7,83%	5,78%	4,56%	3,83%
Россия				
Прирост денежной массы	0,14%	0,11%	0,13%	0,15%
Процентная ставка	19,24%	15,13%	11,90%	9,36%
Дефицит госбюджета, % ВВП	1,55%	1,20%	0,93%	0,72%
Среднегодовая инфляция	6,21%	6,47%	6,67%	6,83%
Прирост ВВП	3,58%	3,32%	3,12%	2,97%

Источник: расчеты авторов.

Таблица 5, по сути, является среднесрочной программой управления ключевой ставкой, денежной базой и бюджетным дефицитом в целях обуздания инфляции и обеспечения положительной динамики ВВП. Смоделированные процессы показывают, что для экономического роста и понижения уровня инфляции в среднесрочной перспективе требуется снижение процентной ставки и бюджетного дефицита и увеличение денежной массы. В табл. 6 приведены сравнительные прогнозные данные динамики ВВП и среднегодовой инфляции, полученные центральными банками и на основе предложенной модели для периода 2025–2026 гг.

Таблица 6

Сравнительные прогнозные данные по динамике ВВП и среднегодовой инфляции, полученные центральными банками и на основе предлагаемой модели

Страны – члены ЕАЭС	Ежегодный рост ВВП, %				Годовая инфляция, %			
	2025		2026		2025		2026	
	ЦБ	Модель	ЦБ	Модель	ЦБ	Модель	ЦБ	Модель
Армения	5,5	3,02	5,3	2,46	3,1	4,56	3,0	5,13
Белоруссия	2,6	2,32	1,9	2,31	6,6	7,39	7,9	7,41
Казахстан	5,5	5,17	5,5	5,09	7,3	6,16	5,6	6,24
Кыргызстан	8,7	7,83	6,4	5,78	5,0	5,53	5,5	7,60
Россия	2,4	3,58	1,7	3,32	6,5	6,21	5,6	6,47

Источник: ЕАБР. Макроэкономический прогноз 2025–2027. <https://eabr.org/analytics/ceg-quarterly-reviews/makroekonomicheskij-prognoz-2025-2027/> (дата доступа: 30.03.2025)

Из табл. 6 видно, что прогнозы динамики ВВП, полученные по модели для 2025 г., несколько ниже, нежели определенные центральными банками для всех стран, кроме России. Наиболее близки значения темпов роста ВВП для Казахстана (5,5% и 5,17%), но существенное различие наблюдается для экономики Армении – 5,5% и 3,02%. Здесь модельные расчеты показывают «более скромную» динамику ВВП, поскольку значительный экономический рост, наблюдавшийся в 2022 г., был вызван факторами временного характера. Первый связан с прибытием в Армению значительного числа релокантов (от 40 тыс. до 100 тыс. чел.), вызвавшим резкий рост денежных переводов из России (с 0,9 млрд долл. США в 2021 г. до 3,6 млрд долл. США в 2022 г.), что увеличило внутренний спрос на товары и услуги. Второй фактор связан с ростом внешнеторговых потоков вследствие «параллельного импорта» в Россию (Айрапетян, 2022). Также расчеты показывают более низкую динамику ВВП для Белоруссии: 2,32% по модели и 2,6% согласно прогнозу центрального банка. Это в основном объясняется тем, что значительный экономический потенциал, связанный с экспортом продуктов нефтепереработки из России, в условиях санкций существенно сократился. Более высокие темпы роста ВВП на 2026 г., полученные по модельным расчетам для России и Белоруссии, основаны на устойчивом тренде адаптации их экономик к санкционному давлению. Прогнозные значения среднегодовой инфляции на 2026 г. в соответствии с моделью несколько выше тех параметров, что определены финансовыми регуляторами, но они близки к тем трендовым характеристикам, которые сложились в недалеком ретроспективном периоде.

Модели (1) и (2) позволяют прогнозировать и анализировать экономические последствия различных сценариев в кредитно-денежной и бюджетной политике монетарных властей, но они требуют тонкой настройки путем тщательного подбора параметров на основе фактических статистических данных.

В среднесрочной перспективе высокие геополитические риски, обусловленные текущими и будущими военными конфликтами в различных регионах планеты, будут оказывать негативное влияние на экономику всех стран. В этой связи вполне вероятны макроэкономические шоки. Эти шоки, с одной стороны, могут повлечь корректировку полученных сценарных прогнозов, но, с другой стороны, их воздействие может быть смягчено, если будет проводиться скоординированная макроэкономическая политика странами ЕАЭС.

Обсуждение и дискуссия

Одним из основных вопросов, стоящих перед новыми экономическими союзами, является устойчивость такого союза и его способность обеспечивать экономический рост в условиях значительных шоков, как внутренних, так и внешних.

Сценарии, полученные в ходе моделирования (табл. 5), показывают, что все страны ЕАЭС будут придерживаться в 2025 г. политики умеренного роста денежной массы в экономике: от 0,10% роста в год в Армении до 0,45% – в Кыргызстане. Другим общим трендом будет контролируемый правительствами рост дефицита бюджета, в пределах от 0,18% в год в Казахстане до 1,55% в России. Более высокий показатель бюджетного дефицита – в 6,80% – прогнозируется в Кыргызстане, и это в основном связано с большими обязательствами по обслуживанию внешнего долга страны. Относительно уровня учетной ставки страны можно разделить на две группы: первую группу составляют Армения, Беларусь и Кыргызстан, где в течение четырех лет предполагается устойчивое снижение ставок: с 4,72%, 6,48% и 7,48% до 0,13%, 0,20% и 1,57% соответственно. Низкие учетные ставки возможны в случае устойчивого тренда снижения инфляции, охлаждения потребительского кредитования и потребительской активности, а также элиминирования проинфляционных рисков со стороны бюджета или внешних условий. Во второй группе, куда входят Казахстан и Россия, этот ключевой индикатор будет значительно выше в 2025 г. – 15,07% и 19,24% соответственно. Как хорошо известно, низкие учетные ставки направлены на стимулирование кредитования в целях повышения инвестиционной активности. Высокие учетные ставки больше стимулируют рост сбережений. Можно предположить, что богатые углеводородным сырьем Казахстан и Россия выберут путь высоких учетных ставок, поскольку низкие ставки могут привести к быстрому снижению склонности к сбережению, смягчению денежно-кредитных условий и, как следствие, дальнейшему росту спроса и инфляции.

Что касается прогнозного уровня инфляции в 2025 г., то этот показатель подвержен колебаниям: от 4,56% в Армении до 7,39% в Беларуси. Если сравнивать с Евросоюзом, где таргетированный уровень инфляции определен в 2%, будущие уровни инфляции в странах ЕАЭС являются более высокими, но находятся в тех прогнозных пределах, которые определены МВФ для развивающихся экономик⁶. Одной из возможных причин колебаний уровня инфляции является наличие «глобального инфляционного цикла» (Carney, 2015). Как отмечают отдельные исследователи, с 2001 г. на этот глобальный фактор приходится четверть колебаний медианной инфляции в странах с развитой экономикой и почти одна пятая медианной инфляции на растущих рынках и в развивающихся экономиках (Ha et al., 2019). Еще одним фактором, усиливающим инфляционный цикл, может оказаться начавшийся процесс политической геоэкономической фрагментации, высокие риски и негативные последствия которой отмечают МВФ (Aiyar et al., 2023). По мнению авторов данного исследования, последствия таких процессов негативно отразятся на мировой торговле, миграции, потоках капитала, распространении технологий, международной валютной системе и глобальной системе финансовой безопасности.

Поскольку объемы ВВП и уровень инфляции являются важными индикаторами экономического развития, то для оценки степени экономической взаимосвязанности стран ЕАЭС (2017–2024 гг.) были вычислены корреляционные матрицы для этих двух показателей (табл. 7 и 8).

Таблица 7

Корреляционная матрица для объемов ВВП

Страна	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия
Армения	1	0,960	0,994	0,995	0,988
Беларусь	0,960	1	0,984	0,965	0,985
Казахстан	0,994	0,984	1	0,994	0,995
Кыргызстан	0,995	0,965	0,994	1	0,987
Россия	0,988	0,985	0,995	0,987	1

Источник: расчеты авторов.

⁶ IMF, 2024, as cited above.

Таблица 8

Корреляционная матрица для инфляции

Страна	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия
Армения	1	0,930	0,515	0,755	0,679
Беларусь	0,930	1	0,623	0,727	0,845
Казахстан	0,515	0,623	1	0,801	0,741
Кыргызстан	0,755	0,727	0,801	1	0,693
Россия	0,679	0,845	0,741	0,693	1

Источник: расчеты авторов.

Как видно из данных в табл. 7 и 8, близкие к единице значения коэффициентов корреляции демонстрируют высокую степень общности экономических трендов в странах ЕАЭС. Установленная высокая корреляционная связь может рассматриваться как способность ЕАЭС к преодолению негативного влияния внешних шоков и турбулентности на мировых рынках.

Выводы и заключение

Экономическое образование, каковым является ЕАЭС, находится в стадии становления.

Скорость интеграционных процессов будет определяться двумя группами факторов. К первой, эндогенной группе, необходимо отнести: повышение как уровня торгово-экономической связанности ЕАЭС, так и уровня технико-экономического развития стран; развитие совместных региональных цепочек создания добавленной стоимости; адекватную торговую политику как внутри ЕАЭС, так и за ее пределами, в основу которой могут быть положены адаптированные к специфическим особенностям развития стран – членов евразийской интеграции принципы единой торговой политики; скоординированную промышленную политику, в том числе в плане заметного увеличения доли обрабатывающего сектора промышленности; большие усилия по координации институциональных преобразований.

Странам ЕАЭС предстоит решение важной проблемы – сокращения внешнего долга, сумма которого для отдельных стран превышает размер годового ВВП, а размеры международных резервов – от 1,5 раза (Армения) до 5 раз (Казахстан). По данным за 2022 г., сумма внешнего долга Армении составила 6,4 млрд долл. США, Казахстана – 160,6 млрд долл. США и Кыргызстана – 7,8 млрд долл. США⁷.

Как следует из результатов модельных расчетов, важным элементом устойчивости экономик стран ЕАЭС к внешним шокам должна стать пусть и имеющая рекомендательный характер, но согласованная макроэкономическая политика (управление ключевой ставкой, денежной базой и бюджетным дефицитом).

Набирающие силу в мировой экономике такие процессы, как политическая и геоэкономическая фрагментация, новые тарифные войны, формируют вторую группу факторов, уже экзогенного характера. Совокупность этих факторов выступает по отношению к ЕАЭС как внешние шоки.

Здесь, прежде всего, отметим экономические санкции, введенные против России и Белоруссии. Снятие санкций придаст существенный импульс интеграционным процессам. Пока же Казахстан и Кыргызстан проводят политику «осмотрительной» интеграции, особенно при формировании финансовых рынков, из-за опасений вторичных санкций. Армения в поисках путей экономической интеграции с Евросоюзом рискует серьезно ослабить свои экономические связи в первую очередь с Россией. С точки зрения глобальных процессов Евросоюз в настоящее время все больше трансформируется в геополитический и военный союз с явной антироссийской направленностью, что может рассматриваться и как угроза евразийской интеграции.

Новая роль Китая как геополитического союзника предполагает, что Китай может стать важным внешним игроком при условии разрастания тарифных войн с США, поскольку вполне возможен сценарий создания новых промышленных производств с китайским участием в таких странах ЕАЭС, как Казахстан и Кыргызстан.

Сценарий накопительной интеграции, который, по нашему мнению, присущ становлению ЕАЭС, в условиях современных геополитических изменений будет доминирующим. Десятилетний период функционирования экономического союза – это только начало долгого пути к реальной

⁷ ADB (2024). Asian Development Outlook. April 2024. DOI: 10.22617/FLS240221-3

экономической интеграции. В этой связи процесс интеграции экономик, инфраструктуры и институциональной базы объективно потребует как времени, так и значительных усилий всех стран.

Литература / References

- Айрапетян В.Л. (2022). Внешняя торговля Армении: международное и евразийское направление. *Научный результат. Экономические исследования* 9(2), 5–15. [Hayrapetyan, V. (2022). Armenia's foreign trade: International and Eurasian direction. *Research Result. Economic Research* 9(2), 5–15 (in Russian)].
- Акаев А.А., Сарыгулов А.И., Соколов В.Н. (2015). Математическая модель экономической динамики в условиях высокой инфляции и нестабильного развития. *Доклады академии наук* 465(6), 643–646. [Akaev, A., Sarygulov, A., Sokolov, V. (2015). Mathematical models of economic dynamics in the context of high inflation and unstable development. *Dokl. Math.* 92(3), 757–760].
- Акаев А.А., Зиядуллаев Н.С., Сарыгулов А.И., Соколов В.Н. (2016). Среднесрочный прогноз динамики развития экономики России. *Проблемы прогнозирования* (5), 37–46. [Akaev, A., Ziyadullaev, N., Sarygulov, A., Sokolov, V. (2016). Medium-term forecast of the dynamics of the development of the Russian economy. *Stud. Russ. Econ. Dev.* 27(5), 510–517].
- Акаев А.А., Зиядуллаев Н.С., Сарыгулов А.И., Соколов В.Н. (2017). Прогнозная модель экономической динамики в условиях стагфляции с учетом волатильности курса национальной валюты. *Проблемы прогнозирования* (3), 34–42. [Akaev, A., Ziyadullaev, N., Sarygulov, A., Sokolov, V. (2017). A predictive model of economic dynamics during stagflation taking into account the volatility of the national currency. *Stud. Russ. Econ. Dev.* 28(3), 266–270].
- Бабынина Л.О. (2012). *Гибкая интеграция в Европейском Союзе: теория и практика применения*. М.: URSS. [Babynina, L. (2012). *Flexible Integration in the European Union: Theory and Practice of Application*. Moscow: URSS Publ. (in Russian)].
- Борко Ю.А. (1975). *Западная Европа: социальные последствия капиталистической интеграции*. М.: Наука, 1975. [Borko, Yu. (1975). *Western Europe: Social Consequences of Capitalist Integration*. Moscow: Nauka Publ. (in Russian)].
- Борко Ю.А. (1984). *Экономическая интеграция и социальное развитие в условиях капитализма: буржуазные теории и опыт Европейского сообщества*. М.: Наука. [Borko, Yu. (1984). *Economic Integration and Social Development under Capitalism: Bourgeois Theories and Experience of the European Community*. Moscow: Nauka Publ. (in Russian)].
- Борко Ю.А. (2006). Взаимосвязь процессов расширения и углубления европейской интеграции. В кн.: *Расширение Европейского союза и Россия*. Под ред. О.В. Буториной. М.: Деловая литература, с. 11–42. [Borko, Yu. (2006). The relationship between the processes of expansion and deepening of European integration. In: *Expansion of the European Union and Russia*. Ed. by O. Butorina. Moscow: Delovaya Literatura Publ., pp. 11–42 (in Russian)].
- Буторина О.В. (2021). Цели региональной интеграции: современное понимание. *Мировая экономика и международные отношения* 65(10), 5–14. [Butorina, O. (2021). Goals of regional integration: a modern understanding. *World Economy and International Relations* 65(10), 5–14 (in Russian)].
- Буторина О.В., Борко Ю.А. (2022). Выгоды региональной интеграции: пересмотр концепции. *Современная Европа* (1), 5–20. [Butorina, O., Borko, Yu. (2022). Benefits of regional integration: a revision of the concept. *Modern Europe* (1), 5–20 (in Russian)].
- Гринберг Р.С., Пылин А.Г. (2020). Евразийский экономический союз: основные тренды развития на фоне глобальной неопределенности. *Экономика региона* 16(2), 340–351. [Grinberg, R., Pylin, A. (2020). Eurasian Economic Union: Main development trends amid global uncertainty. *Ekonomika regiona* [Economy of Region] 16(2), 340–351 (in Russian)].
- Громыко А.А. (2017). Европейские исследования: дилеммы универсальности и уникальности (к 60-летию региональной интеграции). *Современная Европа* (2), 6–17. [Gromyko, A. (2017). European studies: dilemmas of universality and uniqueness (On the 60th anniversary of regional integration). *Modern Europe* (2), 6–17 (in Russian)].
- Королев А.С. (2023). Проактивная vs реактивная: промежуточные итоги внешнеэкономической политики ЕАЭС: рабочая тетрадь № 83/2023. Под ред. Е.О. Карпинской, Ю.Ю. Мельниковой, Л.В. Нечаевой, Г.В.

- Грызлова, С.М. Гавриловой. М.: НИ РСМД. [Korolev, A. (2023). Proactive vs. reactive: Interim results of the EAEU foreign economic policy. Working notebook № 83/2023. Ed. by E. Karpinskaya, Yu. Melnikova, L. Nechaeva, G. Gryzlov, S. Gavrilova. Moscow: Russian International Affairs Council (RIAC) Publ. (in Russian)].
- Кривогуз М., Фесенко Д. (2022). Промышленная политика стран ЕАЭС: вместе или врозь? *Россия и новые государства Евразии I*(LIV), 9–26. [Krivoguz, M., Fesenko, D. (2022). Industrial policy of the EAEU countries: Together or apart? *Russia and the New States of Eurasia I*(LIV), 9–26 (in Russian)].
- Кривогуз М., Фесенко Д. (2024). ЕАЭС в мировых интеграционных процессах. *Россия и новые государства Евразии I*(LXII), 9–24. [Krivoguz, M., Fesenko, D. (2024). The EAEU in world integration processes. *Russia and the New States of Eurasia I*(LXII), 9–24 (in Russian)]. DOI: 10.20542/2073-4786-2024-1-9-24
- Садовничий В.А., Акаев А.А., Звягинцев А.И., Сарыгулов А.И. (2023). Уточненная математическая модель экономической динамики в условиях высокой инфляции и нестабильного развития. Доклады Академии наук. Математика. Информатика. Процессы управления. **510**(1), 23–28. [Sadovnichiy, V., Akaev, A., Zvyagintsev, A., Sarygulov, A. (2023). Refined mathematical model of economic dynamics under high inflation and unstable development. *Dokl. Math.* **107**(2), 105–108].
- Точин А.В. и др. (2023). Развитие ЕАЭС 2022+: стратегические задачи и требования времени. Доклад № 84/2023. Под ред. Е.О. Карпинской, Ю.Ю. Мельниковой, А.П. Александрова, С.М. Гавриловой. М.: НИ РСМД. [Tochin, A. et al. (2023). Development of the EAEU 2022+: Strategic objectives and requirements of the time. Report № 84/2023. Ed. by E. Karpinskaya, Yu. Melnikova, A. Alexandrov, S. Gavrilova. Moscow: Russian International Affairs Council (RIAC) Publ. (in Russian)].
- Ушкалова Д.И. (2016). Модели экономической интеграции и их типология. *Вестник ИЭ РАН* (3), 158–170. [Ushkalova, D. (2016). Models of economic integration and their typology. *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences* (3), 158–170 (in Russian)].
- Хейфец Б.А. (2023). Новая модель международной экономической интеграции. М.: Институт экономики РАН. [Kheifets, B. (2023). *New Model of International Economic Integration*. Moscow: Institute of Economics RAS Publ. (in Russian)].
- Хусаинов Б.Д., Шеломенцев А.Г., Дорошенко С.В. (2015). Современные интеграционные образования: компаративный анализ факторов экономического роста. *Экономика региона* **41**(1), 156–169. [Khusainov, B., Shelomentsev, A., Doroshenko, S. (2015). Modern integration units: Comparative analysis of the growth factors. *Economy of Regions* **41**(1), 156–169 (in Russian)].
- Шишков Ю.В. (2006). Отечественная теория региональной интеграции: опыт прошлого и взгляд в будущее. *Мировая экономика и международные отношения* (4), 54–63. [Shishkov, Yu. (2006). Home theory of regional integration: Past experience and a look into the future. *World Economy and International Relations* (4), 54–63 (in Russian)].
- Шишков Ю.В. (2012). Кризис еврозоны: выводы для архитекторов ЕвразЭС. *Мировая экономика и международные отношения* (6), 13–22. [Shishkov, Yu. (2012). The Eurozone crisis: Findings for the architects of the Eurasian Economic Community. *World Economy and International Relations* (6), 13–22 (in Russian)].
- Aiyar, Sh., Ilyina, A. et al. (2023). *Goeconomic fragmentation and the future of multilateralism*. Staff Discussion Note SDN/2023/001. Washington, DC: International Monetary Fund.
- Akaev, A., Zvyagintsev, A., Devezas, T., Sarygulov, A., Tick, A. (2023). Mathematical models for forecasting unstable economic processes in the Eurozone. *Mathematics* **11**(4544). DOI: 10.3390/math11214544
- Akchurina, V., Della Sala, V. (2018). Russia, Europe and the ontological security dilemma: Narrating the emerging Eurasian space. *Europe-Asia Studies* **70**(10), 1638–1655. DOI: 10.1080/09668136.2018.1546829
- Balassa, B. (1961). *The Theory of Economic Integration*. Homewood, Ill.: Richard D. Irwin.
- Braun, M., Gromilova, A., Melnikovová, L. (2024) Understanding Economic Integration in the Eurasian Economic Union – the Relevance of Integration Theories, *Journal of Contemporary European Studies* **32**(1), 66–79. DOI: 10.1080/14782804.2023.2193877
- Bruno, M., Fischer, S. (1987). *Seigniorage, operating rules and the high inflation trap*. NBER Working Paper 2413. https://www.nber.org/system/files/working_papers/w2413/w2413.pdf
- Busygina, I., Filippov, M. (2021). Russia, Post-Soviet integration, and the EAEU: The balance between domination and cooperation. *Problems of Post-Communism* **68**(6), 477–486. DOI: 10.1080/10758216.2020.1803755

- Cagan, Ph. (1956). *Studies in the Quantity Theory of Money*. Chicago: University of Chicago Press.
- Carney, M. (2015). *How is inflation affected by globalisation?* Remarks by the Governor of the Bank of England. World Economic Forum, Jackson Hole, WY, August 29.
- Chufrin, G. (2020). On the prospects of the EEU development. *Russia and New States of Eurasia* 4(4), 11–24. DOI: 10.20542/2073-4786-2020-4-11-24
- Dragneva, R., Hartwell, C. (2021). The Eurasian Economic Union: Integration without liberalisation? *Post-Communist Economies* 33(2-3), 200–221.
- Gast, A. (2020). The Eurasian Economic Union – Keeping up with the EU and China. *Post-Communist Economies* 33(2-3), 175–199. DOI: 10.1080/14631377.2020.1827200
- Glazyev, S., Tkachuk, S. (2015). Eurasian Economic Union: Achievements and prospects. In: Dutkiewicz, P., Sakwa, R. (eds.) *Eurasian Integration – The View from Within*. Oxford: Routledge, pp. 61–83.
- Ha, J., Kose, A., Ohnsorge, F. (2019). *Inflation in Emerging and Developing Economies: Evolution, Drivers, and Policies*. Washington, DC: World Bank. DOI: 10.1596/978-1-4648-1375-7
- Hancock, K., Libman, A. (2016). Eurasia. In: Börzel, T., Risse, T. (eds.) *The Oxford Handbook of Comparative Regionalism*. Oxford: Oxford University Press, pp. 202–224.
- Hooghe, L., Marks, G. (2019). Grand theories of European integration in the twenty-first century. *Journal of European Public Policy* 26(8), 1113–1133. DOI: 10.1080/13501763.2019.1569711
- Izvorski, I., Kasyanenko, S., Singer, D. (2023). *Sluggish Growth, Rising Risks. Europe and Central Asia Economic Update*. Washington, DC: World Bank. DOI: 10.1596/978-1-4648-2045-8
- Kazharski, A. (2019). *Eurasian Integration and the Russian World. Regionalism as an Identitary Enterprise*. Budapest: Central European University Press.
- Kiechel, A.-L., Marilly, J., Maret, T. (2022). International trade: Towards increased regionalization? *Revue Européenne du Droit* (4), 44–47. <https://shs.cairn.info/journal-red-2022-1-page-44?lang=en&tab=texte-integral>
- Khitakhunov, A., Mukhamediyev, B., Pomfret, R. (2016). Eurasian Economic Union: Present and future perspectives. *Economic Change and Restructuring* 50(1), 59–77. DOI: 10.1007/s10644-016-9182-1
- Krasnov, A., Okanova, A., Yeraliyeva, Y. et al. (2020). Development of the financial policy of the Eurasian Economic Union countries: Tax harmonization. *Entrepreneurship and Sustainability Issues* 8(1), 138–149. DOI: 10.9770/jesi.2020.8.1(9)
- Libman, A. (2021). (Mis)interpreting the Eurasian Economic Union? Images of the EAEU in Russia and the West. In: Dal, E., Ersen, E. (eds.) *Russia in the Changing International System*. Cham: Palgrave MacMillan, pp. 77–94.
- Obydenkova, A. (2011). Comparative regionalism: Eurasian cooperation and European integration. The case for neofunctionalism? *Journal of Eurasian Studies* 2(2), 87–102. DOI: 10.1016/j.euras.2011.03.001
- Obydenkova, A., Libman, A. (2019). *Authoritarian Regionalism in the World of International Organizations Global Perspectives and the Eurasian Enigma*. Oxford: Oxford University Press.
- Parthenay, K. (2019). *A Political Sociology of Regionalisms: Perspectives for a Comparison*. Palgrave Macmillan.
- Roberts, S., Moshes, A. (2016). The Eurasian Economic Union: A case of reproductive integration? *Post-Soviet Affairs* 32(6), 542–565.
- Romer, D. (2012). *Advanced Macroeconomics*. McGraw-Hill.
- Schmitter, P. (1969). Three neo-functional hypotheses about international integration. *International Organisation* 23(1), 161–166.
- Tarr, D. (2016). The Eurasian Economic Union of Russia, Belarus, Kazakhstan, Armenia, and the Kyrgyz Republic: Can it succeed where its predecessor failed? *Eastern European Economics* 54(1), 1–22. DOI: 10.1080/00128775.2015.1105672
- Vinokurov, E., Libman, A. (2014). Do economic crises impede or advance regional economic integration in the Post-Soviet space? *Post-Communist Economies* 26(3), 341–358. DOI: 10.1080/14631377.2014.937094